

ТЕЗАУРУС ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

“МОТИВ”: УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЯ

© 2004 г. Г. А. Балл

*Доктор психол. наук, профессор, зав. лабораторией методологии и теории психологии
Института психологии им. Г.С. Костюка АПН Украины, Киев*

Предпринимается попытка предложить такую трактовку понятия “мотив”, которая бы: а) была достаточно четкой; б) помогала связать его с другими психологическими понятиями; в) по возможности использовала конструктивные аспекты существующих трактовок; г) по возможности охватывала объекты, обычно рассматриваемые в качестве мотивов в практической и исследовательской работе психологов. Автор постулирует следующие существенные свойства мотива: 1) участие в причинной детерминации человеческих действий; 2) относительную стабильность; 3) психический статус; 4) интенциональность (предметную отнесенность), не обязательно означающую осознанность. Отметив недостатки определения мотива как относительно устойчивой интенциональной психической причины действий, автор пытается преодолеть их, опираясь на понятие модели в его наиболее широкой интерпретации.

Ключевые слова: мотив, потребность, нужда, действие, деятельность, интенциональность, модель, целевая модель, инцентивная целевая модель.

Сетования по поводу многозначности термина “мотив” в психологии и малой продуктивности попыток дать ему сколько-нибудь приемлемое определение давно уже стали привычными в психологической литературе. Поэтому еще одна такая попытка неизбежно будет восприниматься с иронией. Тем не менее я решаюсь на нее, исходя из того, что усилия по совершенствованию понятийного аппарата психологии вопреки всем трудностям следует продолжать.

Эта последняя мысль высказывалась неоднократно, но, пожалуй, наиболее ярко выразил ее более тридцати лет назад П. Мак-Рейнолдс. “Я осмеливаюсь сказать, – заметил он, – что в нашей науке нет проблемы, которую с большим основанием можно было бы назвать всегда важной, чем проблему разработки значимых и пригодных для научного общения рабочих понятий. Это справедливо, конечно, для всех наук, но, по-видимому, особенно существенно для психологии. С тех самых пор, как Аристотель обратил внимание на то, насколько трудно дать адекватное определение счастья, психологи бьются над двойственной проблемой: как сделать более ясными понятия, которые они считают самыми центральными, и как сделать более центральными те понятия, которые они могут сделать более ясными” [46, с. 113].

Свою попытку уточнить понятие мотива я подразделяю на два этапа. На первом я буду вести рассуждения в системе чисто психологических понятий, на втором – обращусь к общенаучному понятию модели и еще другим, производным от

него. Я буду опираться на деятельностный подход и, соответственно, трактовать “мотив” как мотив действия (или деятельности).

Первый этап. Для исходной ориентировки в содержании интересующего нас понятия обратимся к одному из авторитетных психологических словарей: “Мотив (от лат. *movere* – приводить в движение, толкать) – 1) побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; 2) предметно-направленная активность определенной силы; 3) побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности предмет (материальный или идеальный), ради которого она осуществляется; 4) осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности” [21, с. 209]. Приходится с сожалением констатировать концептуальное (например, что значит “определенной силы”?) и стилистическое несовершенство этого текста, свидетельствующее, скорее всего (с учетом высокой квалификации авторов и редакторов словаря), о серьезных трудностях, с которыми они столкнулись. Источник таких трудностей естественно можно усмотреть, во-первых, в существенных расхождениях между трактовками мотива, принимаемыми представителями разных психологических школ и, во-вторых, в недостаточной разработанности их в содержательном и логическом аспектах. Упомянутые существенные расхождения, вроде бы включающие возможность отнести представленные в процитированном определении трактовки к единому понятию (а не только к термину “мотив”), не мешают, однако, автору данной статьи в словаре – без уточнения того, какая из трактовок

имеется в виду, – констатировать, что “в психологии выделен ряд особенностей природы и функций мотивов в регуляции поведения субъекта...” [там же]. Похоже, что термин “мотив”, соотносенный с совокупностью его трактовок в психологии, обеспечивает обобщение, но не в форме сколько-нибудь четкого понятия, а, скорее, на уровне образований, напоминающих “комплексы”, описанные Л.С. Выготским. Вспомним: когда ребенок “... начинает рассуждать или мыслить за пределами своего наглядно-предметного мира и своего практически-действенного опыта”, он “вступает в мир диффузных обобщений, где признаки скользят и колеблются, незаметно переходя один в другой” [10, с. 147]. Не ведет ли себя подобным же образом психолог, рассуждая о мотивах за пределами четко описанной экспериментальной ситуации или теоретической схемы, принятой той или иной научной школой?

Другой, не менее известный психологический словарь [36] ограничивается в определении мотива одной трактовкой (почти совпадающей с трактовкой 3 из словаря [21]). Однако и здесь не обошлось без эклектики. В самом деле, мотив определяется как обладающий конкретными свойствами “материальный или идеальный предмет”, а полимотивированность деятельности – как ее направленность “на удовлетворение одновременно нескольких потребностей” [36, с. 203–204; выделено мною. – Г.Б.].

Критический анализ существующих трактовок мотива не входит в мою задачу (такой анализ дает, например, Е.П. Ильин в [19]). Я предпринимаю попытку предложить, в дополнение к существующим, такую трактовку рассматриваемого понятия, которая бы: а) была достаточно четкой; б) помогала связать понятие мотива с другими ведущими психологическими понятиями и одновременно отграничить его от них; в) по возможности использовала конструктивные аспекты существующих трактовок; г) по возможности охватывала объекты, обычно рассматриваемые в качестве мотивов в практической и исследовательской работе психологов.

Попытаюсь, имея в виду эти критерии, указать существенные свойства мотива.

Большинство психологов согласится с тем, что одним из таких свойств является участие в причинной детерминации действий человека. Кстати, часто говорят: “действий и поступков” (см., например, приведенную выше цитату из словаря [21]). Логически это не совсем корректно, поскольку поступок можно рассматривать как особого типа действие – такое, в котором, согласно С.Л. Рубинштейну, “ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям... к нормам общественной морали” [37, с. 537]. То обстоятельство, что и “воздержание от учас-

тия в каком-нибудь действии само может быть поступком с значительным резонансом” [там же], не меняет дела: действия с отсутствующей исполнительной частью рассматриваются и в теории поэтапного формирования умственных действий [12].

Обращаясь к разграничению А.Н. Леонтьевым “реально действующих” и “только знаемых” мотивов, естественно отнести к мотивам в собственном смысле слова только первые; что касается вторых, то они фактически не являются мотивами того поведения, которое служит объектом анализа. Вместе с тем предпочтительнее, на мой взгляд, воспользоваться реже применяемым термином А.Н. Леонтьева: “психологически действенный мотив” [24, с. 290; выделено мною. – Г.Б.]. Он наиболее адекватен с учетом момента, в отношении поступков, особенно важного: указанное выше “участие в причинной детерминации действий” касается не только результатов, но и *процессов* их осуществления, включая ориентировку, в том числе ценностную. Тот факт, что некий мотив не нашел явного отражения во внешнем поведении человека, “проиграв” в конкуренции с другими мотивами или будучи подавлен волевым усилием, не отменяет его психологической действительности, тем более что в психическом опыте индивида он так или иначе оставил свой след.

Опираясь на преобладающую практику (во всяком случае советскую и постсоветскую) использования термина “мотив”, следует, видимо, считать одним из существенных его признаков, *относительную устойчивость*, влияние на протекание и результаты целого ряда конкретных действий.

Нерационально относить понятие “мотив” ко всем (пусть даже достаточно устойчивым) причинам того или иного действия: оно нередко оказывается излишним. Я согласен с психологами, ограничивающими сферу применения этого понятия психическими причинами поведения (т.е. психическими звеньями в цепи событий, обеспечивающих причинную детерминацию рассматриваемого действия).

Вышеупомянутый поход заставляет отойти от ряда формулировок А.Н. Леонтьева, таких, как: “предмет деятельности есть ее действительный мотив” [25, с. 153]; вернее, от их буквального понимания. Я согласен с А.К. Марковой, отмечавшей, что “предметную определенность мотива в теории деятельности” (действительно существенную, о чем пойдет речь ниже) “иногда неправильно трактуют как вынесенность мотива за пределы психики” [28, с. 51]. Между тем, такая трактовка означала бы шаг назад по сравнению с четким разграничением Л.С. Выготским стимула и мотива [11, с. 284–285] и искусственно вырывала бы мотив из системы связанных с ним компонен-

тов психики – таких, как потребность, цель, установка.

К тому же, в трудах А.Н. Леонтьева неоднократно фиксируется психический статус мотивов. Говорится, в частности, о “новом действующем мотиве” домашних занятий школьника: “он делает теперь уроки потому, что *хочет* получить хорошую отметку” [24, с. 291; выделено мною. – Г.Б.]. Как видим, в качестве причины поведения рассматривается желание, т.е. психическое явление.

В другой работе А.Н. Леонтьев пояснял в общей форме, что для мотива существовать – “значит существовать для субъекта... быть отраженным, как-то представленным в голове субъекта” [23, с. 181].

Еще пример изложения общей закономерности: «До своего первого удовлетворения потребность “не знает” своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а *воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет* – свою побудительную и направляющую деятельность функции, т.е. *становится мотивом*» [25, с. 205; выделено мною. – Г.Б.]. Это можно интерпретировать так, что мотивом становится психический образ предмета.

Несколько затянувшаяся дискуссия о локализации мотива не должна заслонить того, что, по всей видимости, является наиболее существенным и весьма продуктивным в трактовке мотива А.Н. Леонтьевым (и четко выражено, в частности, в последней цитате). Речь идет о подчеркивании содержательности, *предметной отнесенности* мотива. Данное свойство (фиксация которого придает понятию “мотив” качественную определенность – в отличие от его отождествления с любым относительно устойчивым психическим звеном в детерминации поведения) соответствует разработанному в феноменологии Гуссерля понятию *интенциональности* (и я воспользуюсь этим лаконичным термином, отнюдь не забывая о принципиальных различиях между подходами, оказавшимися созвучными в данном пункте). Поэтому можно исходить из того, что к мотивам относятся не любые устойчивые психические причины поведения, а лишь интенциональные – в отличие, скажем, от лишенных предметной отнесенности психических состояний, например, того или иного эмоционального фона.

Трактовка интенциональности, требуемая для уточнения психологического понятия мотива, однако, не вправе замыкаться в сфере *сознания*, являющейся исключительным объектом внимания феноменологической философии, – хотя бы потому, что такое замыкание автоматически исключило бы из области применения указанного понятия психоаналитически ориентированные

трактовки и исследования мотивации, а это вряд ли целесообразно. Как отметил М.Г. Ярошевский, именно в рамках фрейдистского психоанализа было показано, что система мотивов “неизмеримо шире той информации о ней, которую собирает и использует сознание индивида с его ограниченными средствами” [42, с. 238].

Несводимость содержательного психического опыта к сознательному подчеркивает и Дж. Бюджентал (отмечая при этом нетождественность своего подхода фрейдистскому). Его рассуждения на этот счет нелегко воспроизвести по-русски, поскольку они базируются на различии значений слов *awareness* и *consciousness*, которые оба обычно переводятся на русский язык словом *сознание*. Между тем, понятие *consciousness* предполагает некую степень самосознания, рефлексивности – необязательную, когда речь идет об *awareness*¹.

Один из “базовых постулатов для гуманистической психологии” Бюджентал формулирует словами “Man is aware”, что в вольном переводе (учитывающем текст, раскрывающий содержание этого постулата) может быть передано так: “Человек обладает непрерывным субъективным опытом”. Бюджентал указывает далее, что этот опыт (в оригинале *awareness*) наблюдается “на многих уровнях”, что разные его аспекты не в одинаковой мере доступны человеку, но, независимо от степени осознанности (*degree of consciousness*), он является “существенной частью бытия человека”. Бессознательное (*unconsciousness*) рассматривается как “такой уровень субъективного опыта (*level of awareness*), когда нет его непосредственного восприятия (*direct apprehension*), но опыт (информированность, *awareness*) тем не менее присутствует (хотя и отрицается)” [43, с. 23].

Как конкретизацию этих положений с позиций деятельностного подхода можно интерпретировать тезис А.Н. Леонтьева, касающийся уже непосредственно мотивов: “Несознаваемые мотивы имеют ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: реальное бытие, деятельность человека в объективном мире. Несознаваемое и сознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные формы и уровни психического отражения, находящегося в строгой соотнесенности с тем местом, которое занимает отражаемое в структуре деятельности, в движении ее системы” [25, с. 213]. Кстати, психический статус мотивов – никоим образом не противоречащий их укорененности в реальном бытии, в деятельности –

¹ В толковом словаре прилагательному *aware* ставятся в соответствие два разъясняющих слова – *conscious* и *informed* (“информированный”) [44, с. 27]. Среди значений слова *conscious* указаны, в частности, *registered subjectively* (“субъективно регистрируемый”) и *self-conscious* (“самосознающий”) [44, с. 76].

опять-таки представлен здесь со всей определенностью. Напомню, что наиболее существенное в разработке проблематики деятельности С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым состоит, согласно А.В. Брушлинскому, не в тех или иных понятийных схемах, а в том, что “впервые удалось глубоко раскрыть неразрывную связь человека с миром и понять психическое как изначально включенное в эту фундаментальную взаимосвязь” [8, с. 242].

Подытоживая вышесказанное, приходим к выводу, что *мотив* – это относительно устойчивая интенциональная (т.е. предметно отнесенная, хотя не всегда осознаваемая) психическая причина действий (точнее: психическое звено в цепи их причинной детерминации).

Приведенная характеристика мотива оставляет, однако, недостаточно проясненными ряд существенных вопросов. Во-первых, она не раскрывает связей понятия мотива с другими ведущими психологическими понятиями, т.е. не выполняется пункт “б” выдвинутых выше требований к разрабатываемой трактовке понятия мотива. В частности, обходится важнейший вопрос о соотношении мотивов и потребностей, а значит, с этой точки зрения предложенная характеристика пока что уступает приведенной в словаре [21], где такое соотношение (в трактовке 1) обозначено хотя бы в абстрактной форме. Во-вторых, понятие интенциональности чересчур общее и для адекватной характеристики мотива, по всей видимости, требует конкретизации. Попытку такой конкретизации можно усмотреть в трактовке мотива под номером 3 в цитированной выше статье из словаря [21] (а также в статье “Мотив” в словаре [36] и во многих других текстах). При этом в качестве мотива рассматривается предмет, “*ради которого*” осуществляется деятельность. Неудачность этой фразы очевидна из следующего примера. Предположим, деятельность осуществляется в рамках конфликта и предполагает борьбу с неким противником. Тогда, исходя из точного смысла формулировки, получаем: деятельность осуществляется ради этого противника! Надо бы, конечно, вести речь об обеспечении его не слишком хорошего состояния. Во всяком случае, способ конкретизации интенциональности мотива нуждается в концептуальном усовершенствовании.

Путь к преодолению указанных недостатков и в целом к усовершенствованию характеристики мотива я вижу в опоре на общенаучное понятие *модели*.

Второй этап. Вопрос о том, подходит ли категория модели для описания и анализа психических явлений, вызывал, как известно, немало споров. Подобно ряду других психологов, к применению этой категории для характеристики психических образов скептически относился и А.Н. Леонтьев.

В статье [26] было показано, что психические образы не охватываются логико-математическим понятием модели, производным от строгих понятий об изо- и гомоморфизме.

Это обстоятельство, однако, не исключает правомерности рассмотрения психического образа как специфического вида модели в широком смысле слова – например, в интерпретации, изложенной в [5, 6, 9]. Воспроизведу здесь ее важнейшие моменты.

Согласно указанной интерпретации, моделью системы *A* для активной системы *C* является всякая система *B*, основанием для использования которой системой *C* является структурное сходство (по крайней мере предполагаемое) системы *B* с системой *A*. Если в роли активной системы *C* выступает исследователь, который в целях познания системы *A* изучает ее модель *B*, приходим к понятию модели как средства научного исследования. Именно в этом качестве модели чаще всего рассматриваются в литературе по методологии науки, но в науках, изучающих функционирование активных систем (в том числе в психологии), модели выступают и как предметы исследования.

Упомянутое в вышеприведенном определении модели структурное сходство отнюдь не обязательно должно достигать уровня изо- или гомоморфизма. Н.И. Губанов, указывая, что понятия изо- и гомоморфизма “нельзя непосредственно использовать для описания соответствия между объектом и психическим образом” [14, с. 128], допускает трактовку последнего как “неизоморфной модели”.

Важное значение имеет разделение моделей на следующие три типа:

а) *материальные* – такие, для которых субстратные свойства существенны;

б) *материализованные* – такие, которые, хотя и обладают субстратными свойствами, но последние (например, то, написан ли текст карандашом на бумаге или мелом на доске) не являются для них существенными. Материализованные модели хорошо подходят для “фиксации идеального внешними средствами” [38, с. 35];

в) *идеальные* – не обладающие субстратными свойствами. Рассматриваются идеальные модели, существующие в психике отдельных индивидов, а также в общественном сознании, в культуре. При этом к идеальным психическим моделям, наряду с упомянутыми выше чувственными образами, относятся и не представленные в сознании компоненты субъективного опыта (заслуживает поддержки требование пересмотра “прежних взглядов, в которых бессознательно-психическое исключалось из категории идеального” [18, с. 164]).

Всякой идеальной модели соответствует несущая ее материальная или материализованная модель (например, психической модели – некоторая

система нервных процессов; понятийной модели, существующей в науке, – некоторая система текстов). Идеальную модель можно рассматривать как некую чистую структуру, которая, говоря словами Я.А. Пономарева, “как бы индифферентна к составу вещества той модели, в которой она появляется” [34, с. 87] (иначе говоря, индифферентна к субстратным свойствам материальной или материализованной модели, несущей данную идеальную модель).

Модели могут быть как вторичными, так и первичными по отношению к моделируемым системам. К примеру, чертеж можно считать моделью изображенного на нем изделия для работающего с этим чертежом человека и тогда, когда чертеж выполняется по готовому изделию, и тогда, когда изделие изготавливается по чертежу.

Среди моделей, первичных по отношению к моделируемым системам, выделяются *целевые модели*. Материальные целевые модели исследуются в психофизиологии. Это “закодированная в мозгу модель потребного организму будущего”, по Н.А. Бернштейну [7, с. 188]; “некоторый обширный комплекс синаптических процессов мозга, в которых материально закодированы полезные результаты, необходимые в данный момент”, по П.К. Анохину [2, с. 263]. В психологии, естественно, основное внимание уделяется идеальным целевым моделям. Их важным видом служат цели (не обязательно осознаваемые) действий индивида². Предпосылками действия являются: а) расхождение между двумя психическими моделями – целевой и моделью актуального (фактического) состояния объекта действия; б) участие этого расхождения в детерминации воздействия на этот объект. Наличие упомянутого расхождения служит признаком существования *внутренней* для субъекта *задачи* [5, 6].

Вводится также понятие *модальности* модели – свойстве, конкретизирующем характер ее реального или потенциального использования активной системой. Рассмотрение модальностей моделей основывается на представлениях о логических модальностях, но при этом онтологизирует их трактовку [6]. В частности, в процессах прогнозирования, проектирования и программирования формируются модели, первичные по отношению к моделируемым системам – но различающиеся при этом по своей модальности.

Констатация того, что некоторая модель является целевой, конечно, характеризует ее модаль-

ность, но недостаточно полно. Так, признание человеком желательности или даже обязательности реализации им некоторой цели (например, бросить курить) само по себе недостаточно для *побуждения* к действию по достижению этой цели, т.е. хотя бы для готовности выделить на такое действие ресурсы и запустить операционный механизм его осуществления (ср. сказанное выше о “психологической действенности” мотива; переход от готовности к реальному осуществлению действия может потребовать “выигрыша” в конкуренции с другими побуждениями). Психические целевые модели, модальность которых задает указанную готовность, можно назвать *побудительными*, или *инcentивными* (от англ. *incention*). Цель действия служит примером инcentивной целевой модели; в отличие от этого, требование внутренней для субъекта задачи – модель целевая, но не обязательно инcentивная.

Подведение под широко трактуемые понятия “цель действия” и “требование задачи” неосознаваемых целевых моделей не означает недооценки человеческого сознания, а, напротив, облегчает его конкретно-психологическое исследование. Как отметил В.В. Давыдов, для достаточно полной характеристики “процесса возникновения образа через действие” требуется выяснить “вопрос о том, какую *задачу* должен решать субъект, чтобы ему необходим был именно субъективный образ” [15, с. 34].

С учетом сказанного о моделях, в том числе целевых и инcentивных, и задачах остановлюсь теперь на характеристике *потребностей*, а затем вернусь к рассмотрению мотивов.

Я считаю возможным поддержать подход [16, 33], согласно которому потребность в качестве понятия, описывающего определенные компоненты психики индивида (для определенности – *субъективная потребность*), рассматривается как отражение в этой психике испытываемой индивидом *объективной потребности* или *нужды* в чем-либо (питательных веществах, общении с другими людьми и т.п.). В.В. Давыдов упоминает, в числе прочих, “нужды гуманитарного характера... Например, нужду в красоте, которая не превратилась в ту или иную эстетическую потребность” [16, с. 21]. Вообще, в нуждах человека находят конкретизацию объективные закономерности функционирования и развития его организма и личности. В заботах о подрастающем поколении, в том числе в педагогическом регулировании развития потребностей его представителей, надо ориентироваться как на те их нужды, которые устойчиво заявляют о себе сегодня, так и на те, что приобретут актуальность завтра – или, по меньшей мере, могут приобрести, если развитие личности пойдет в благоприятном направлении.

² Как известно, А.Н. Леонтьев относил понятие “действие” только к актам, цели которых осознаются субъектом. Однако дальнейшее развитие психологической теории деятельности, укрепление ее связей с психофизиологическими и кибернетическими концепциями обусловили обращение, наряду с леонтьевской, также и к более широкой трактовке действия [4, 39].

Субъективную потребность можно рассматривать как особый вид целевой модели, а именно: как присутствующую в психике индивида специфическую модель потребного ему состояния его самого. Эта модель не обязательно является инцентивной (побуждающей к действию), но в любом случае она создает в психике некое (проявляющееся в тех или иных эмоциях) напряжение³. Расхождение между рассматриваемой моделью и моделью актуального состояния индивида (также наличествующей в психике) говорит о существовании специфической внутренней для него задачи. (Вообще-то, внутренняя задача имеет место и при наличии у индивида равнодушно воспринимаемого им знания о той или иной своей нужде, но в последнем случае нет оснований констатировать наличие субъективной потребности.)

Характеризуя субъективные потребности (ниже, имея их в виду, буду говорить просто: *потребности*) в соотношении с объективными (нуждами), следует обратить внимание на широкий спектр различий:

а) в степени и характере представленности потребности в сознании. В частности, “можно осознавать – ощущать, переживать наличие нужды и не понимать, что мне нужно” [19, с. 94];

б) в степени адекватности, с какой нужда отражается в потребности. Отмеченные, в частности, В.В. Давыдовым [16] патологические случаи отсутствия субъективной потребности в пище (при несомненной нужде в питательных веществах) наглядно иллюстрируют эту закономерность.

Остановимся на соотношении понятий “потребность” и “ценность”.

Д.А. Леонтьев вводит понятие “модель должного” наряду с “моделью потребного будущего” и использует их различие для размежевания потребностей и личностных ценностей как источников мотивации [27, с. 228]. При этом обоснованно разграничиваются два существенно различных механизма мотивации. Но я полагаю, что для понятия “потребность” есть место при описании обоих механизмов. Во-первых, приобщение индивида к тем или иным ценностям всегда опосредуется какими-то уже имеющимися у него потребностями. Во-вторых, если личность в высокой степени идентифицировалась с какой-то ценностью, то можно говорить, что она испытывает потребность в реализации этой ценности. Точнее, это будет “метапотребность” по А. Маслоу как специфический частный вид потребности. Маслоу, однако, не абсолютизировал специфику метапотребностей, их отличие от потребностей базовых; напротив, в чрезмерном противопоставле-

нии “низшего” и “высшего” в человеческой природе он усматривал одну из “ложных дихотомий” [29, с. 313–314]. Подобно базовым потребностям, отмечал он, метапотребности также могут фрустрироваться, что находит выражение в “метажалобах”, а то и в “метапатологиях” (можно вспомнить и введенное В. Франклом понятие “экзистенциальный вакуум”). Фрустрация говорит о чрезмерном расхождении между психическими моделями актуального и потребного состояний индивида, о трудностях решения им задачи, предметом которой является он сам. Но в случае метапотребностей потребное состояние предполагает не столько владение теми или иными добываемыми извне ресурсами или их потребление, сколько свободное осуществление деятельности, реализующей принятые личностью ценности.

Этому описанию созвучна характеристика В.А. Петровским “мотивации воспроизводства себя как субъекта”: «В отличие от прагматических актов, награждением здесь является само вознаграждаемое действие, и на вопрос “зачем человек поступает так?” следует ответ: “чтобы вновь поступать так же!” Таким образом, смысл порождения себя как субъекта заключается именно в том, чтобы существовать в этом качестве впредь, возвращаться к себе, выходя за пределы себя» [32, с. 223]. Решаемая субъектом внутренняя задача относится в этом случае к выделенным В. Лукашевским задачам “удержания или восстановления предыдущего состояния” [45, с. 336], играющим в человеческой деятельности не менее важную роль, чем задачи, где требуется изменить существующее положение вещей⁴.

Итак, мы убеждаемся в важном значении понятия “потребность” для психологической характеристики любых сфер человеческого бытия.

Вместе с тем и категорию *ценности* можно плодотворно применить к анализу обоих описанных Д.А. Леонтьевым механизмов мотивации. Для этого требуется, кроме использованного им понятия ценности как сформированного в культуре идеального предмета, к которому может приобщиться личность, рассмотреть также ценность как характеристику ситуаций удовлетворения потребностей. Опора на эту трактовку поможет продвинуться в уточнении понятия мотива. Что же касается интересного в мировоззренческом плане вопроса о соотношении разных интерпретаций категории ценности, то он выходит за рамки данной статьи.

³ Согласно Гегелю, “потребность, влечение суть ближайшие примеры цели. Они суть чувственное противоречие... внутри самого живого субъекта” [13, с. 393].

⁴ Возникает вопрос: в чем же при решении задачи первого типа расхождение между моделями актуального и требуемого состояний объекта действия? Ответ таков: требуемое состояние, помимо характеристик этого объекта, существенных для его актуального состояния, должно включать еще одну: обеспечение сохранения указанных характеристик на протяжении того или иного предстоящего отрезка времени.

Привлекаемая здесь к рассмотрению вторая трактовка ценностей распространена в психологической, социологической, философской литературе. Например, один из социологических словарей раскрывает содержание понятия “социальные ценности” (в широком смысле) через “значимость явлений и предметов реальной действительности с точки зрения их соответствия или несоответствия потребностям общества, социальных групп и личности” [22, с. 442]. Учитывая также проведенный Б.И. Додоновым [17] анализ понятия “ценность” с точки зрения возможностей его применения в психологии, остановлюсь на следующих положениях.

1. Если от тех или иных предметов или событий⁵ (в том числе от свойств или действий самого индивида) зависит удовлетворение его нужд или потребностей (в иной терминологии: его объективных или субъективных потребностей) и/или отражение в его психике степени такого удовлетворения, то будем говорить, что такие предметы и события обладают для него *ценностью*.

2. Все ценности можно разделить на *положительные и отрицательные* – соответственно, облегчающие или затрудняющие удовлетворение потребностей (или формирование психических моделей, несущих информацию о таком удовлетворении); на *менее устойчивые* (наблюдаемые на конкретном отрезке времени, в конкретной ситуации) и *более устойчивые* (действующие в разное время, в разных ситуациях); на *объективные и субъективные*. Наличие объективной ценности будем констатировать, если объективно (реально, фактически) есть облегчение или затруднение удовлетворения нужд или потребностей индивида; субъективной – если в его психике функционирует модель, несущая информацию об указанном облегчении или затруднении. Такая информация может выражаться по-разному (в форме знания, убеждения, эмоционального отношения и т.д.) и обладать разной степенью адекватности. Тем не менее для психологии наибольший интерес представляют субъективные ценности, поскольку именно они непосредственно участвуют в детерминации действий индивида.

Учитывая вышеизложенное, решаюсь сформулировать уточненное определение мотива: *мотив – это существующая в психике индивида инцензивная целевая модель⁶ некоторого предмета, который каким-то образом выделен этим индивидом в мире и при этом обладает для него*

устойчивой (по крайней мере относительно) субъективной ценностью⁷.

Предмет, о котором идет здесь речь и требуемое состояние которого моделируется мотивом, может быть и материальным, и идеальным. Этот предмет может представлять собой процесс (например, творческой деятельности).

В роли упомянутого идеального предмета может выступать и какая-либо из ценностей, о которых говорит Д.А. Леонтьев (как, например, бытийная ценность – добро, красота, истина и т.п.), – если она стала носителем субъективной ценности для индивида и он стремится к ее утверждению в своей деятельности и в мире. (Обращаю внимание на то, что термин “ценность” употреблен в предыдущем предложении дважды, но в разных смыслах.)

Упомянутая в уточненном определении мотива ценность может быть как положительной, так и отрицательной. Иллюстрацией последнего варианта служит приведенный в конце “первого этапа” пример с деятельностью, осуществляемой в рамках конфликта. Образ поверженного противника – вот ее мотив. Важно, что речь идет именно о субъективной ценности (в данном случае – отрицательной). Пусть даже опасность, исходящая от того, кто воспринимается нашим индивидом как противник, существует только в воображении этого индивида – это не спасет “противника” от “возмездия”! Массу подтверждающих примеров можно найти в области не только психиатрии, но и политической психологии.

Уточненное определение мотива – в совокупности с изложенными выше характеристиками потребностей и ценностей – позволяет более четко представить положения психологической теории деятельности о конкретизации и опредмечивании потребностей в мотивах. Два последних понятия оказываются теснейшим образом связанными – но не тождественными по содержанию, причем даже в тех случаях, когда с их помощью можно описать один и тот же объект. В частности, осознаваемая (и при этом побуждающая к действию) потребность выступает как мотив – ибо она предстает в форме улучшенного образа “Я”.

С другой стороны, стремление к успеху любимого дела или к счастью любимого человека может приобрести настолько важное место не просто в жизни личности, но и в ее структуре, что это даст основание рассматривать указанные образования не только как мотивы, но и как субъективные потребности. Как правило же, потребности находят в мотивах свою конкретизацию, соотно-

⁵ Впрочем, событие – частный вид предмета в наиболее общей трактовке этого понятия (“все, что может быть как-то воспринято, названо и т.п.” [20, с. 474]).

⁶ С учетом сказанного выше, наличие такой модели можно поставить в соответствие как смысловую, так и целевую установку, по А.Г. Асмолову [3].

⁷ Истоки этого определения можно найти у Х. Хекхаузена, усматривающего в любом мотиве “момент направленности действия на определенные целевые состояния, которые независимо от их специфики всегда содержат в себе ценностный момент...” [40, с. 33].

сенную с особенностями более или менее типичных ситуаций, в которых оказывается индивид.

Описываемая трактовка мотивов распространяется и на те из них, которые функционируют на неосознаваемом уровне. Например, вытесняется из сознания как этически ущербный – но тем не менее воплощается в иницировании и осуществлении конкретных действий – мотив дискредитации более удачливого коллеги. В этом мотиве (моделирующем весьма желательную для индивида ситуацию, когда “он не лучше меня”, а значит, “я не хуже его”) находит неадекватную конкретизацию потребность (сама по себе вполне правомерная) в личностном и профессиональном самоутверждении.

Для каждого действия индивида в принципе может быть указан по крайней мере один мотив, побуждающий к осуществлению этого действия и направляющий его протекание. Это не исключает того, что цель действия и, в целом, вся задача, на решение которой оно направлено, могут задаваться человеку извне, – но он будет действовать для достижения цели, для решения задачи лишь в той мере, в какой примет их, т.е. идентифицирует (осознанно или неосознанно, причем, чаще всего, так или иначе доопределив их [30]) в качестве соответствующих своим мотивам⁸.

Изложенная трактовка мотивов согласуется с выделением, по А.Н. Леонтьеву, “отдельных (особенных) деятельностей” – по критерию побуждающих их мотивов” [25, с. 157; выделено мною. – Г.Б.]. Часто можно указать два или несколько мотивов, участвующих в управлении одним и тем же действием человека. Так (видоизмененный известный пример А.Н. Леонтьева [24, с. 289]), школьник может одновременно побуждаться к чтению книги и непосредственным интересом к ее содержанию, и учетом того, что знание этого содержания пригодится на экзамене. В подобных случаях есть основание считать, что рассматриваемое действие входит в две “отдельные деятельности” (или в большее число таковых). Это значит, что индивид может одновременно осуществлять несколько “отдельных деятельностей” – подобно тому, как он выполняет одновременно несколько действий, производя операции, служащие достижению нескольких целей [31]. Надо лишь помнить, что “действие” и “отдельная деятельность” – здесь теоретические понятия, служа-

щие для анализа поведения, а не его фрагменты, доступные для эмпирической фиксации. (Другой вопрос, что существует проблема совершенствования средств, в том числе понятийных, именно такой фиксации [47].)

Фрагменту поведения иногда ставят в соответствие “конкретный процесс деятельности” [39, с. 22]. Видимо, не столь уж важно, характеризовать ли этот процесс “сложным, иерархически организованным мотивом, породившим данную деятельность и одновременно родившимся в ней” [там же], или “определенной системой мотивов, имеющей динамическую структуру” [1, с. 12]. Выбор того или иного варианта зависит от тонкостей трактовки используемых понятий. Существенно другое: помня о своеобразии мотивационной основы каждого конкретного процесса деятельности, не следует забывать и об относительной стабильности системы мотивов, характеризующей каждую личность и проявляющейся в разнообразных процессах ее деятельности.

Подводя итог проведенному анализу можно констатировать лишь относительный его успех. Уточненное понятие мотива удалось в ряде аспектов соотносить с понятием потребности (и с понятием “ценность”, но без углубленной разработки последнего). Что же касается таких понятий, как “установка” и “смысл”, то я в данной статье едва касался их, ограничивая тем самым возможности анализа.

Выполненная работа дает все же, как мне кажется, основания для некоторого оптимизма: во-первых, в отношении отнюдь не исчерпанного потенциала деятельностного подхода; во-вторых, в отношении принципиальной возможности совмещения логической четкости теоретических построений в психологии с их содержательной наполненностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева М.И. Мотиви навчання учнів. Київ: Радянська школа, 1974.
2. Анохин П.К. Заключительное слово // Философские проблемы биологии. М.: Наука, 1973. С. 262–270.
3. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
4. Балл Г.А. О некоторых основных понятиях теории действия // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 73–81.
5. Балл Г.А. Теория учебных задач: Психолого-педагогический аспект. М.: Педагогика, 1990.
6. Балл Г.А. Основы теории задач (система основных понятий; психолого-педагогический аспект): Дис. ... д-ра психол. наук. Киев, 1990.

⁸ Возникает, правда, вопрос, не нарушается ли этот принцип в случае действий, осуществляемых на основе внушения, когда индивид склонен проявлять “полное доверие к внушаемому содержанию, в первую очередь к внушаемому действию” [35, с. 14]. Но следует учесть специфические мотивы, наличие которых у реципиента внушающих воздействий служит предпосылкой их результативности: эти мотивы выражают направленность на идентификацию с субъектом внушения и на единство с социальным окружением в целом.

7. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
8. Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: ИП РАН, 1997. С. 208–268.
9. Войтко В.І., Балл Г.О. Узагальнена інтерпретація поняття моделі // Філософська думка. 1976. № 1. С. 58–64.
10. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 тт. М.: Педагогика, 1982. Т. 2.
11. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 тт. М.: Педагогика, 1983. Т. 3.
12. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966. С. 236–277.
13. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. I.
14. Губанов Н.И. Методологические аспекты проблемы соответствия между объектом, нейродинамическим кодом и психическим образом // Психол. журн. 1987. Т. 8. № 3. С. 118–129.
15. Давыдов В.В. Категории деятельности и психического отражения в теории А.Н. Леонтьева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 4. С. 25–41.
16. Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 6. С. 20–27.
17. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.
18. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа, 1980.
19. Ильин Е.П. Мотивы человека: теория и методы изучения. Киев: Вища школа, 1998.
20. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.
21. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского; ред.-сост. Л.А. Карпенко. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
22. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1989.
23. Леонтьев А.Н. Психология искусства и художественная литература // Литературная учеба. 1981. № 2. С. 177–185.
24. Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв.: В 2 тт. М.: Педагогика, 1983. Т. I.
25. Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв.: В 2 тт. М.: Педагогика, 1983. Т. II.
26. Леонтьев А.Н., Джафаров Э.А. К вопросу о моделировании и математизации в психологии // Вопросы психологии. 1973. № 3. С. 3–14.
27. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
28. Маркова А.К. Пути исследования мотивации учебной деятельности школьников // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 47–59.
29. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
30. Машибиц Е.И. Психологические основы управления учебной деятельностью. Киев, 1987.
31. Ошанин Д.А. Предметное действие как информационный процесс // Вопросы психологии. 1970. № 3. С. 34–50.
32. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д.: Феникс, 1996.
33. Платонов К.К. О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
34. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
35. Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 7–35.
36. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-Пресс, 2001.
37. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
38. Салмина Н.Г. Виды и функции материализации в обучении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
39. Смирнов С.Д. Психологическая теория деятельности и концепция Н.А. Бернштейна // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1978. № 2. С. 14–25.
40. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. Т. 1.
41. Хонигман Дж. Понятия // Личность, культура, этнос: Современная психологическая антропология / Под общ. ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 51–79.
42. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1974.
43. Bugental J.F.T. The third force in psychology // J. of Humanistic Psychology. 1964. V. 4. № 1. P. 19–26.
44. Grolier New Webster's Dictionary. Danbury, Connecticut: Grolier Inc., 1992. V. 1.
45. Łukaszewski W. Osobowość: struktura i funkcje regulacyjne. Warszawa: Państw. wyd. naukowe, 1974.
46. McReynolds P. Jeremy Bentham and the nature of psychological concepts // J. of General Psychology. 1970. V. 82. 1st Half. P. 113–127.
47. Moskvichov S.G. Motivation, activity, management // Fourth Congress of the International Society for Cultural Research and Activity Theory: Abstracts. Aarhus, Denmark, 1998. P. 27–28.

AN ATTEMPT TO EXPLICATE THE CONCEPT OF MOTIVE

G. A. Ball

*Dr. sci. (psychology), professor, head of laboratory of methodology and theory of psychology,
G.S. Kostiuk Institute of Psychology of the APS of Ukraine, Kiev.*

The author attempts to offer such an interpretation of the concept of motive which: (a) would be clear enough; (b) would help to relate it with other psychological concepts; (c) would include constructive aspects of its existing interpretations; (d) would embrace various objects considered as motives in the practical and theoretical psychology. With these requirements in mind, the author postulates the following essential properties of a motive: (1) it takes part in the causal determination of human action; (2) it is relatively stable; (3) it is a mental unit; (4) it is an intentional (relating to a definite object) unit, though may be unconscious. So, a motive as a relatively stable mental cause of actions. The author tries to overcome the shortcomings of this definition by relying on the concept of model, in its broadest interpretation.

Key words: motive, subjective need, objective need, action, activity, intentionality, model, goal model, incentive goal model.